

АССОЦИАТИВНО-ОБРАЗНОЕ ОСНОВАНИЕ КОННОТАЦИИ

Лариса Николаевна Захарова

Статья посвящена исследованию актуальной проблемы современной лингвистики – отражения особенностей национальной культуры в языковых единицах. Причиной появления коннотации считается ассоциативно-образное основание, которое обусловлено внутренней формой слова и ассоциативными механизмами человеческого мышления.

Ключевые слова: коннотация, ассоциативно-образное основание, особенности национальной культуры

Статтю присвячено вивченню актуальної проблеми сучасної лінгвістики – відображення в мовних одиницях особливостей національної культури. Джерелом виникнення конотації вважається асоціативно-образна підстава, що спричинюється внутрішньою формою слова та асоціативними механізмами людської свідомості.

Ключові слова: конотація, асоціативно-образна підстава, особливості національної культури

The headline of the article is the investigation of the actual problem of modern linguistic – reflection in words semantic features of national culture. At the researching are defined culturological sources of interpretation of assosiative-imegebearing base of connotation.

Key words: connotation, associative-imegebearing base, features of national culture

В лингвистике конца XX столетия за коннотативным компонентом значения закрепились следующие определения: дополнительный (факультативный), контекстуально обусловленный, потенциальный, ассоциативный, экспрессивный, стилистически окрашенный и другие. Обилие разнородных характеристик данного явления обусловлено смешением причин появления и структурных компонентов коннотации. Об этом факте неоднократно писал Ю.Д.Апресян, поэтому целью настоящей статьи является рассмотрение причин появления коннотативных компонентов семем.

Г.В.Колшанский, понимая значение как сумму контекстов употребления языковой единицы, определяет коннотацию следующим образом: «оттенки, которые возбуждают у читателя ассоциации различного характера - эмоционально-положительные, отрицательные и так далее» [1,с.50]. Диапазон контекстной связанности коннотативных значений простирается, по мнению исследователя, от почти жесткой контекстной зависимости до свободных, неоднозначных ассоциаций. Поэтому для описания коннотации исследователь использует классификацию: 1) коннотации, связанные с типичными ассоциациями (восприятие слова и его образа); 2) коннотации, требующие достаточно широкого контекста для однозначного восприятия, так называемые «идеологемы»; 3) коннотации субъективного свойства, или индивидуальные; 4) текстовые коннотации [1, с.50-51]. Психологический оттенок имеет трактовка коннотативного компонента у Н.Г.Комлева: «Коннотация не выражена эксплицитно, это - семантическая модификация значения, включающая в себя совокупность семантических наслоений, чувств, представлений о знаке. Она не является элементом материальной структуры знака, ее компоненты создаются в процессе восприятия слов-знаков» [2,с.108]. Ученый отмечает, что коннотация выводится из неопределенного множества употреблений словоформ, имеющих определенную нейрофизиологическую базу их закрепления в мозгу человека. Н.Г.Комлев предлагает систематизацию качественно различных сфер порождения коннотации, которые могут быть связаны: с индивидуальным опытом, чувством, культурой, компонентом поля, уровнем знаний, мировоззрением говорящего. Е.И.Шендельс считает, что коннотация «охватывает всю информацию... сверх денотативного содержания... это субъективные наслоения разного рода: экспрессивность, или интенсификация каких-то значений, грамматическая образность (метафоричность) и др.» [3,с.35]. В.И.Говердовский отмечает, что сфера коннотации в лингвистике значительно расширилась: она вышла за пределы экспрессивно-оценочно-стилистических рамок и включает социально-политические, эстетические, этнографические и культурологические понятия. Представленные понимания явления коннотации сродни точке зрения Л.Блумфилда, который включает в нее все субъективные моменты, смешивая при этом лингвистические и экстралингвистические моменты, но не отражает необходимых характеристик исследуемого феномена.

В.Н.Телия выделяет два типа коннотаций. Первые, социально значимые, так называемые «идеологемы». Они привязаны к определенным политическим периодам жизни общества, могут быть узальными на какой-то период, но скорее всего не закреплены за значением и принадлежат тексту. Вторые, культурно-национальные: «это в самом общем виде интерпретация денотативного

или образно-мотивированного, квазиденотативного аспектов значения в категориях культуры» [4, с.31]. В то же время исследователь не называет коннотацию «хранилищем» культурной информации, так как она лишь указывает на ситуацию, исходную для образного основания. Истинным хранителем культурной информации являются художественные тексты [5, с.44]. Описание рефлексии культурных кодов в лингвистических единицах связано с изучением причин возникновения, источников коннотации. В нашем исследовании мы рассматриваем языковую образность в качестве семантической категории, способной эксплицироваться посредством внутренней формы (этимологии) [6, с.4-5].

Различают языковую и авторскую образность, традиция деления которых идет от структурной аналогии А.А.Потебни «слово - художественное произведение» [6, с.175]. Объектом нашего рассмотрения является языковая образность. Суммируя различные точки зрения по вопросу определения образности языковой единицы, можно резюмировать, что под словесной образностью понимается семантический компонент значения, его способность выражать определенное внеязыковое содержание посредством целостного наглядного представления, общего для данной лингвокультурной общности.

Вслед за В.Н.Телия и Н.И.Сукаленко, мы считаем, что языковая образность, наряду с эмотивным и рационально-оценочным компонентами, входит в структуру лексического значения, являясь элементом денотативного макрокомпонента. Более того, целью употребления образных слов считают выражение эмоционального отношения говорящего к объекту [7, с.69]. Формально образность проявляется во внутренней или внешней форме значения. Внутренняя форма слова эксплицитно представлена в словах с определённым этимологическим значением. Для её описания используются не только этимологические словари, но и лексикографические источники, содержащие лингвокультурную информацию соответствующей эпохи. Так, коннотация самоименования Ивана Грозного *преступник окаянный*, вложенного в уста Пимена (драма «Борис Годунов» А.С.Пушкина), мотивировано производностью причастия *окаянный* от глагола *каяться* [8, Т.3, с.125].

Все лингвистические концепции внутренней формы, дополняя одна другую, высвечивают разные грани этого сложного явления. Для нашего исследования наиболее актуальной представляется точка зрения, согласно которой внутренняя форма считается ассоциативно-образным основанием эмотивной оценки (коннотации). В основе номинаций *властитель* и *властелин*, мотивированных семантикой производной семемы *власть*, лежит признак «владение территорией и населяющими ее людьми. Так, современная семема *власть*, древнерусская *волость*, имевшая значение в дописьменную эпоху «власть, право», с 11 века стала выражать понятие «область, земля, находящаяся под одной верховной властью» [9, Т.1, с.164; 8, Т.1, с.89].

Образ, существуя как идеальная сущность, может проявляться только в определенных контекстных условиях [10, с.453], вызывающих ассоциации с предшествующим опытом субъекта речевой деятельности. Предполагается, что живая внутренняя форма имеет соотнесенность с некоторыми эталонами, существующими в национальной культуре. Например, в именовании Ивана III *смиритель бурь* (драма «Борис Годунов» А.С.Пушкина) первый компонент является производным от глагола *смирить* со значением «сделать послушным, привести в смиренное состояние» [11, Т.3, с.217], вследствие чего внутренняя форма семемы *смиритель* способствует появлению имплицитных сем «сила», «могущество». Причем положительное основание эмотивной оценки данного именованного обусловлено социальной ролью номинатора и его пониманием об эталона верховного правителя, каким представляется Годунову Иван III. Когда образ соотносится с конкретной языковой единицей, происходит процесс образования коннотативного компонента: эмотивная оценка предполагает эмоциогенный стимул, в качестве которого обычно выступает ассоциативно-образная мотивированность. К образности прибегают в тех случаях, когда рационально-оценочное отношение к обозначаемому уже сформировалось или формируется. Использование именованного *младой венценосец* в монологе Басманова, насыщенном экспрессивами, которые выражают эмоциональное состояние субъекта речи, не случайно. Образное основание семемы *венценосец*, внутренняя форма которой обусловлена значением мотивирующей семемы *венец*, ассоциируется в контексте: «*Доверенность младого венценосца предательством ужасным заплатит*» [12, с.93] - с представлением о мученическом венце, уготовленном судьбой Федору Годунову. Стилистическая окрашенность номинации *младой венценосец* взаимодействует с эмотивно-оценочными компонентами высказывания и актуализирует имплицитную сему «беззащитность», которая также характерна для следующей номинации: «*Ты младой, неопытный властитель, как управлять ты будешь под грозой, тушить мятеж, опутывать измену*» (Борис Годунов на смертном одре) [12, с.89]. Образы, положенные в основу номинаций Федора, соотносятся с понятием о духовной чистоте в народных поэтических сказаниях. Такие ассоциативно-образные фрагменты могут актуализироваться в виде некоторого гештальта, фрейма для достижения говорящим определенной коммуникативной цели.

Ключевым понятием для определения причин появления коннотации и значения семемы в целом признаны ассоциативные механизмы мышления, которые участвуют в выборе и комбинации познанных свойств объекта действительности. Коннотация не является хранилищем культурной информации, а отсылает посредством ассоциативных связей внутренней формы исходной ситуации именованию к ее культурным механизмам. Термин «ассоциация» был введен Дж.Локком, который противопоставлял его идеям разума и определял как неверные и неестественные сочетания идей. Исследования в области физиологии способствовали установлению механизмов появления ассоциаций. Так, А.Н.Соколов, опираясь на открытия И.А.Павлова и И.М.Сеченова, отмечает, что предметы и явления действительности запечатлеваются и воспринимаются, только связываясь друг с другом в пространстве, времени отношениями сходства-различия и т.д. Эти связи отражаются в коре головного мозга и служат механизмом запоминания и восприятия. Актуальность понятия ассоциации для лингвистики частично рассмотрена нами в первом разделе. Ф. де Соссюр, исследуя знаковую природу языковых единиц, пришел к выводу об ассоциативной связи их понятия и акустического образа. Исследования показывают, что индивидуальный лексикон каждого носителя языка содержит набор семантически и грамматически связанных единиц, образующих ассоциативно-вербальную сеть.

Ассоциации принимают участие в создании новых знаний из-за их способности связывать уже существующие представления о внеязыковом объекте с вновь появляющимися. Благодаря ассоциативным механизмам мышления, старое знание может служить базой для формирования новых коннотативных смыслов, такой процесс идет с опорой на образную поддержку, актуализированную ассоциациями. Лексико-семантические связи (парадигматические, синтагматические), реализуемые в текстах, также основываются в ассоциациях, которые распространяются на область экстралингвистики и связывают языковые единицы с константами национальных культур. Роль ассоциаций в формировании коннотативных компонентов раскрыта В.А.Масловой: образуясь на основе постоянных ассоциативных связей в данном языке, коннотация не указывает на мир, а отсылает к ассоциации [13, с.111]. Изучение ассоциаций направлено на экспликацию как осознанных, так и бессознательных элементов языковой картины мира. Например, именование Бориса Годунова *царь Ирод* имеет особый статус в системе его номинаций благодаря субъективному фактору оценки - автору высказывания: «*Нет, нет! нельзя молиться за царя Ирода - Богородица не велит*» (Юродивый) [12, с.78]. Эмотивные коннотации обусловлены пресуппозицией - социальной ролью юродивого в Московском государстве, которая апеллирует к чувствам, понятным всем членам данного социума. Так, по Л.Т.Микулиной, при переводе семемы *юродивый* на английский язык теряется его национально-символический ореол - *village idiot* [14,с.78]. В русской культуре юродивый наделен эпитетами *божевольный, божий человек*. «В бессознательных поступках этого ничтожного, отроду сумасшедшего или принявшего на себя смиренную личину юродства, народ видел глубокий смысл, выражение высшей воли» [15, с.669]. Основанием коннотации именованного *царь Ирод* может считаться не только отсылка к библейскому сюжету, но и индизонимный смысл его контекстного окружения. В первом случае скрытая негативная оценка ассоциирована с легендами, возникшими после смерти царя Федора, о спасенном наследнике престола. Другим источником образности номинации *царь Ирод* является использование в приведенном высказывании именованного матери Христа – Богородицы, одной из самых почитаемых в России святых. Как известно, в средневековых письменных источниках, исторических сказаниях Богородица представлена милосердной покровительницей, заступницей Руси.

Анализ компонентов коннотации приводит нас к выводу, что информацией, способствующей появлению этого макрокомпонента, является внутренняя форма и стилистическая окраска языковой единицы, а также связанные с последней понятия «ситуации общения» и «социальной роли субъекта». Эти факты приводят В.Н.Телия к выводу об ассоциативности коннотации по природе и пресуппозитивности по источникам.

Исследуя коннотацию в рамках теории номинации, В.Н.Телия занимается, прежде всего, выявлением технологии воплощения культурного концепта в содержание фразеологизма. В результатах исследования проблемы нельзя не увидеть влияния психолингвистической теории образа А.А.Потебни, так как средством воплощения национально-культурной информации служит образное основание языковой единицы, а способом его экспликации является интерпретация в «знаковом культурном пространстве» данного языка, которое имеет свои когнитивные источники – стереотипы, эталоны, символы, мифологемы и тому подобные знаки. В качестве одной из гипотез своей теории исследователь выдвигает тезис о том, что носители языка более или менее осознанно владеют знанием прецедентных текстов или языковых сущностей, служащих источником интерпретации, но им зачастую не известны историко-этимологические мотивы коннотации. Категоризируется данная имплицитная информация в языковых понятиях – компонентах коннотации, организованных посредством образного основания.

Национально-культурная информация языковых знаков интуитивно осознается носителями языка и фиксируется в текстах различного содержания. Исследователи называют разное

количество источников (культурных кодов) национально-культурной интерпретации ассоциативно-образного основания коннотативного компонента. Так, Е.Маслова выделяет девять групп лингвокультурологических единиц, но, по мнению автора, количество их может быть увеличено. К ним исследователь относит безэквивалентную лексику и лакуны, речевое поведение, речевой этикет, мифологемы, легенды, обычаи, стилистический уклад языка, образы, опосредованные внутренней формой языковых единиц и т.д. [5, с.12-24]. В.Н.Телия выделяет: 1) ритуальные формы народной культуры, сватовство, поверья, мифы, заклинания, лингвокультурологический анализ которых нацелен на раскрытие имплицитного смысла; 2) паремиологический фонд; 3) систему образов-эталонов, запечатленных в устойчивых сравнениях; 4) слова-символы; 5) христианскую философию; 6) интеллектуальное достояние нации – философию, литературу; 7) безэквивалентную лексику; 8) образное содержание фразеологизмов [4, с.239-253].

Литература:

1. Колшанский Г.В. Контекстная семантика. - М.: Наука, 1980. - 147с.
2. Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова. - М.: Издательство Московского университета, 1969. - 191с.
3. Шендельс Е.И. Многозначность и синонимия в грамматике. - М.: Высшая школа, 1970. - 204с.
4. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантические, прагматические и культурологические аспекты. - М.: Школа "Языки русской культуры", 1996. - 228с.
5. Маслова В.А Введение в лингвокультурологию. - М.: Наследие, 1997. - 206с.
6. Потебня А.А. Мысль и язык // Эстетика и поэтика. - М.: Искусство, 1976. - С.35-220.
7. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. - Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1986. - 227с.
8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. - М.: Прогресс, 1964. - 1973.
9. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка. В 2-х т. - Изд-е 2-е, стереот. - М.: Русский язык, 1994.
10. Матеиус В. Язык и стиль: Пер. с чешск. // Пражский лингвистический кружок. - М.: Прогресс, 1967. - С.444-524.
11. Словарь языка Пушкина: В 4-х т. - М.: Гиз, 1956 - 1961.
12. Пушкин А.С. Драматические произведения // Полное собрание сочинений. В 16-ти т. / Ред. комитет: М.Горький, Д.Д.Благой, С.М.Бонди и др. - М.: Академия Наук СССР, 1948. - Т.7. - 393с.
13. Маслова В.А. К построению психолингвистической модели коннотации // Вопросы языкознания. - 1989. - № 1. - С.108-120.
14. Микулина Л.Г. Национальное своеобразие русской коннотативной лексики // Из опыта создания лингвострановедческих пособий. - М.: Издательство Московского университета, 1977. - 210с.
15. Даль В. Словарь живого великорусского языка. В 4-х т. - М.: Русский язык, 1989 - 1991.